

Отчаявшись, принц решил положить конец ссоре раз и навсегда. Он призывает обоих к себе и в последний раз пытается помирить их — разумеется, безуспешно. Тогда принц приказывает принести ему две рапиры одинаковой длины и веса и протягивает каждому из воинов по одной, после чего снимает собственный плащ, своим же острым кинжалом распарывает его надвое и по половине плаща вручает каждому из спорщиков. И в завершение — приказывает запереть их в большом пустом зале и не открывать дверей, пока они не уладят все свои взаимные претензии окончательно.

Вот их оставили наедине и двери заперли на замки. Но полным уединением это назвать сложно — за действиями противников наблюдает достаточно внушительная аудитория, кто — в замочную скважину, кто — в щели в дверях, а кто и вскарабкался на стену, чтобы заглянуть в окно. Что ж, противоречия действительно надо улаживать, и бойцы берутся за дело. После короткого обмена ударами Джованни задевает клинком лоб противника. Рана сама по себе пустяковая, царапина, но драться мешает очень, поскольку кровь, струясь по лицу, заливает глаза, так что Петру приходится постоянно вытирать ее. Джованни говорит:

— Петр Корсиканец, так не пойдет, это уже не бой. Давай сделаем перерыв, перевяжи свою рану.

Тот принимает предложение, как может, перевязывает рану платком, и они снова принимаются сражаться, еще яростнее прежнего, да так, что рапира Джованни вылетает из руки. Корсиканец, желая отплатить великодушием за великодушие, опускает клинок и произносит:

— Джованни из Турина, подними рапиру. Я не буду убивать безоружного.

Затем наши бойцы сходятся и в третий раз и так отчаянно бьются, нанося друг другу множество тяжелых ран, что кто-то из наблюдателей отправляется к принцу и умоляет его остановить бой, пока они друг друга не убили. Принц тут же входит и видит, что оба участника лежат на полу и сражаться уже не могут по причине ужасных ран и большой потери крови. Правитель зовет на помощь и приказывает скорее унести их. Под чутким наблюдением князя их лечат со всем тщанием, и через какое-то время оба полностью выздоравливают. Однако, пока они лечились, у них было время подумать, и по излечении оба так высоко оценили проявленное противником во время боя благородство, что из врагов они снова превращаются в друзей и в таком качестве еще долго славно служат принцу, своему повелителю.

Тщеславный капитан из Пьедмона

Брантом повествует нам о случае еще большего великодушия, почти донкихотства по природе своей, проявленного неким капитаном из Пьедмона по отношению к одному своему земляку. Эти двое годами жили в близких, дружеских отношениях, но в конце концов отношения их из-за какой-то ерунды стали неприязненными, а по обычаям того времени даже мелкие ссоры следовало улаживать тем же способом, что и тяжелые оскорбления чести. Они сошлись с оружием в руках, и одному из них повезло самому без единой царапины так тяжело ранить соперника, что тот оказался практически беспомощным. Замечательные клинки XVI века делали очень низкой вероятностью того, что ранен будет только один из сражающихся; так, Меркуцио у Шекспира спрашивает, получив смертельное ранение от Тибальта: «Заколел! <...> А сам ушел — и цел?»³⁴

Но, памятуя об их давней дружбе, победитель говорит:

— Смотри! Мы так долго были почти братьями, что в глубине души я не желаю убивать тебя, да и кто будет меня за это винить, учитывая причину нашей ссоры? Так вставай же, прошу тебя, и я помогу тебе добраться до хирурга.

Раненый же оказался несколько тщеславным малым; он поблагодарил победителя

---

³⁴ Цит. по пер. Б. Пастернака. (Примеч. пер.)